

## Глава 10. Вступление в секту

На следующий день Гу Наньчжао вместе с другими победителями Великого собрания по отбору и новобранцами переступил порог секты Небесной Тени.

Цзинь Хань тоже оказался здесь. Приняв приглашение старейшины Гэ Жуня и прикрываясь предлогом дружеского обмена опытом между сектами, он вызвался обучать новоприбывших.

Секта Ясной Луны, как и секта Небесной Тени, занимала исключительное положение в мире самосовершенствования — о вступлении в любую из этих сект мечтал каждый заклинатель поднебесной. Проведав, что один из старейшин Ясной Луны примет участие в обучении, многие из отсеявшихся адептов горько сокрушались. Знай они заранее о такой щедрости, расшиблись бы в лепёшку ради победы, ведь упустить наставления от мастеров сразу двух великих сект было невозполнимой потерей.

Для Гу Наньчжао эта весть не стала неожиданностью. Он прекрасно понимал: этот человек из кожи вон вылезет, но найдёт повод задержаться в секте Небесной Тени. Стоило вспомнить недавний наглядный урок, как взгляд юноши невольно потяжелел.

Если приезжие адепты действительно удостоятся его советов, это пойдёт им на пользу. Разумеется, при условии, что Цзинь Хань не станет утаивать секреты мастерства и снизойдёт до искренней помощи.

Появлению почетного гостя в секте Небесной Тени радовались все — от мала до велика. Старейшина Гэ Жунь, питавший к Цзинь Ханю особое расположение, испросил согласия главы секты и собственноручно устроил пышный приветственный пир, на который наставник с учеником явились без малейших колебаний.

Главе секты Небесной Тени, Сун Аньжу, на вид было около сорока лет. Владелец строгого, волевого лица, он внушал трепет одним своим видом, однако с гостями держался на редкость приветливо и предупредительно. Младшие адепты и вовсе не упускали случая выразить почтение, то и дело почтительно величая Цзинь Ханя «старшим».

Цзинь Хань благосклонно улыбался, неторопливо пригубливая вино из кубка.

«Надо же, а прежний владелец этого тела пользовался немалым авторитетом у праведников, — лениво размышлял он. — Любопытно, как вытянутся эти благородные лица, прознай они, кто перед ними на самом деле? Зрелище наверняка выйдет презабавное»

Застолье шло своим чередом. Дабы развлечь собравшихся, Сун Аньжу велел устроить показательные выступления с мечами. Дочери старейшины Гэ, очаровательные Гэ Цзянли и Гэ Ланьчжи, вызвались первыми продемонстрировать свое мастерство. Серебряные клинки порхали в их руках, словно бабочки, создавая атмосферу непринужденного веселья.

Гэ Жунь, человек прямодушный и весёлый, лихо осушил кубок и зычно рассмеялся:

— Брат Цзинь! Твой ученик вчера на арене уложил соперника одним ударом. Настоящий триумф!

Цзинь Хань снисходительно улыбнулся и приподнял кубок навстречу собеседнику:

— Этому мел... кхм, Юань Е ещё учиться и учиться. Не стоит так хвалить его, брат Гэ, не хватало ещё, чтобы он загордился.

Юноша в знак почтения приподнял свой кубок и вежливо, но коротко отозвался:

— Не загоржусь.

Гэ Жунь вновь грохочуще расхохотался, опрокинул в себя очередную порцию хмельного и хлопнул ладонью по столу:

— Брат Цзинь, а парень-то мне по душе! Характер что надо.

Сидевший неподалёку мужчина средних лет в фиолетовом одеянии заинтересованно подался вперёд:

— Старейшина Цзинь, я заметил, что вчера ваш ученик использовал приёмы, совсем не похожие на техники Секты Ясной Луны. Техника выглядела невероятно утончённой и сложной. Позвольте полюбопытствовать, что это за учение?

В мире заклинателей старейшины разных сект редко сходились вместе, однако прекрасно знали чужие коронные приёмы. Почти все они были фанатично преданными своему делу мастерами, и искреннее любопытство при виде выдающейся техники считалось делом обычным — никто не усмотрел бы в подобном вопросе бестактности.

Поскольку наставника и ученика посадили бок о бок, Гу Наньчжао прекрасно расслышал вопрос. Он и сам сгорал от нетерпения узнать правду, однако чутьё подсказывало: искренности от Цзинь Ханя ждать не стоит.

Цзинь Хань мягко улыбнулся. Его вкрадчивый, бархатистый голос полился легко и непринуждённо:

— Ах, это... Всего лишь скромные наброски, сочинённые мной на досуге от нечего делать.

Юноша опустил взгляд, пряча скептическую усмешку.

«Кто бы сомневался, — мысленно фыркнул он. — С его-то поверхностными знаниями и нынешним уровнем сил создать шедевр такого масштаба? Не смешил бы людей. С каждым днём я всё больше убеждаюсь, что верить этому лжецу нельзя ни в едином слове»

Впрочем, хозяева праздника, в отличие от скептически настроенного ученика, приняли ложь за чистую монету. Отовсюду посыпались восхищённые вздохи и хвалебные речи — гостю пророчили великое будущее, называя его драконом, которому тесно в скромном пруду.

Цзинь Хань благодушно кивал, не убирая с лица мягкой улыбки.

«Ещё бы, — тешил он свое самолюбие. — Когда я подмял под себя все ваши хваленые секты, вы по-другому запоёте. Главное — держите себя в руках и не падайте в обморок от страха»

Цзинь Хань за долгую жизнь навиделся подобных празднеств, а потому чувствовал себя как рыба в воде — расслабленно и вольготно. Отставив нефритовый кубок, он мельком взглянул на соседа. Тот сидел с натянутой, как струна, спиной и методично, в полном молчании ковырялся палочками в тарелке, словно всё это шумное сборище происходило на другой планете.

Наблюдая за этой неприступной миной, Цзинь Хань невольно почувствовал зуд озорства. В его голове мгновенно созрел каверзный план.

Организаторы ужина, проявляя заботу о присутствующих дамах, подали к столу несколько сладких угощений. Особое место занимал густой десерт из древесных грибов тремелла и медовых фиников — лакомство вышло настолько приторным, что даже у такого неисправимого сладкоежки, как Цзинь Хань, сводило челюсти.

А ведь в памяти наставника чётко отпечаталось: его угрюмый воспитанник хоть и слыл неприхотливым в еде, люто ненавидел сладкое и обходил его десятой дорогой. Мысленно злорадствуя, Цзинь Хань протянул руку к супнице.

Юноша, увлечённый трапезой, краем глаза уловил плавное движение — изящная, бледная рука бесцеремонно умыкнула пиалу прямо у него из-под носа.

Он проследил за наглой рукой и увидел, как наставник с самым благообразным видом зачерпнул увесистый половник липкого финикового варева и наполнил посуду до самых краёв.

Поставив угощение обратно перед учеником, Цзинь Хань изобразил на лице глубокую отеческую заботу:

— Дорога была трудной, мой милый Юань-эр совсем исхудал за последнее время. Не стесняйся, здесь все свои, кушай побольше.

Гу Наньчао скользнул взглядом по лицу мужчины, замечая едва уловимые искорки лукавства

в глубине его глаз. Намерение поиздеваться читалось без труда.

Однако юноша не выказал и тени раздражения. Послушно опустив взор на пиалу, он неторопливо взял ложку и сделал пару уверенных глотков. Когда же поднял голову, на его губах играла вежливая, кроткая улыбка:

— Премного благодарен, учитель. Позвольте мне ухаживать за собой самостоятельно.

Глядя на то, как парень без тени отвращения осушил добрую половину невыносимо приторного десерта и даже бровью не повел, Цзинь Хань мгновенно растерял весь задор. Розыгрыш явно провалился.

Отложив ложку, Гу Наньчжао изящно промокнул уголки губ шёлковым платком. Внешнее дружелюбие скрывало холодную пустоту в его взгляде.

Приторный, удушливый аромат патоки щекотал ноздри. Юноша невольно мысленно перенёсся в свою прошлую жизнь: в секте Ясной Луны он действительно на дух не переносил сладкие блюда.

Надо же, Цзинь Хань умудрился сбересть в памяти эту незначительную деталь.

Вот только коварный наставник жестоко просчитался: неприязнь к сахару никогда не была капризом избалованного нёба. Причина крылась в гораздо более мрачных вещах.

Поняв, что подколоть ученика не удалось, Цзинь Хань отвернулся, раздосадованный своей неудачей. В ту же секунду чья-то рука бесцеремонно опустила в его тарелку изрядную порцию неизвестной зелени.

Мужчина растерянно моргнул, не сразу сообразив, что произошло.

Заметив это, сидевший напротив Гэ Жунь радушно осклабился:

— О, а вот и наш местный деликатес, гордость города Вэй! Попробуй обязательно, брат Цзинь, надеюсь, придётся тебе по вкусу.

Гу Наньчжао чинно отложил палочки и вкрадчиво ответил вместо своего учителя:

— Старейшина Гэ, мой почтенный наставник просто без ума от этого яства. С тех самых пор, как мы прибыли в город Вэй, он заказывает его при каждом удобном случае.

Гэ Жунь так и просиял:

— Неужели?! Дивная новость! Ведь эту траву — хуттуйнию — чужаки обычно на дух не переносят: плюются, жалуются, будто она воняет тухлой рыбой, да караул кричат от тошноты. А для нас, местных, нет ничего слаще! Дня без неё прожить не можем. Как же я рад, брат Цзинь, что у нас схожие вкусы!

Отвертеться от такого комплимента было решительно невозможно. Цзинь Хань натянул дежурную улыбку, выдавил короткий смешок и скосил глаза на негодника.

«Ах ты паршивец, — мысленно скрипел зубами Повелитель демонов. — Решил отплатить мне той же монетой? Ну погоди, у меня память хорошая»

Разумеется, коварный выпад юноши не остался незамеченным. Вот только парень недооценил стойкость своего противника.

Цзинь Хань с юных лет прославился своим умом и силой, повидал мир и перепробовал множество диковинных угощений во всех уголках поднебесной. Он искренне полагал, что на свете нет такой еды, которая способна заставить его отступить.

Демонстрируя абсолютное бесстрашие, он решительно взял палочки. Назвав своего визави «заботливым учеником», мужчина отправил пахучую зелень в рот. Сделав пару ленивых жевательных движений, он внезапно замер, а краска сбежала с его лица.

Гу Наньчжао с нескрываемым удовольствием наблюдал за этой безмолвной драмой.

Старейшина Гэ несколько не преувеличивал. Мерзкий, удушливый привкус полуразложившейся рыбы мгновенно ударил в нос и заполнил всё небо. Цзинь Ханя едва не вывернуло наизнанку прямо на праздничный стол.

К счастью, он вовремя совладал с собой.

Перед лицом радушных хозяев и под прицелом десятков любопытных глаз великий мастер не мог позволить себе столь вопиющую бестактность. Сохраняя окаменелое выражение лица и преодолевая тошноту, он наскоро проглотил злосчастную траву целиком.

Даже после этого тошнотворное послевкусие упорно не желало покидать рот, заставляя страдать каждую вкусовую почку.

Ничего не подозревающий Гэ Жунь лишь добродушно кивнул, призывая гостя не стесняться и брать добавку.

Цзинь Хань вымученно улыбнулся и опустил взгляд на тарелку. Рассмотрев её содержимое получше, он в мыслях грязно выругался.

Эту пакость местные именовали рыбной мятой или чжээргэнь. Едва очутившись в городе Вэй, Цзинь Хань из чистого любопытства заказал её по совету трактирщика, но выплюнул в ту же секунду и зарёкся когда-либо приближаться к этому сорняку.

Казалось бы, глупая мелочь, о которой он давно забыл. Но злопамятный щенок умудрился вывести эту слабость и обернуть её против учителя в самый неподходящий момент.

«Дьявол, недооценил я этого щенка, — укорил он себя. — Просчитался»

Кое-как одолев порцию, мужчина потянулся за вином, надеясь смыть омерзительный вкус, но безжалостный ученик лёгким движением руки подкинул ему новую охапку зелени.

— Кушайте не торопясь, учитель. Моя доля тоже принадлежит вам.

Пальцы Цзинь Ханя до побеления сжали бамбуковые палочки. Он медленно повернул голову к юноше.

Тот ответил ему прямым, безмятежным взглядом. Воздух между ними, казалось, заискрился от негласного противостояния.

Их дуэль прервал нежный девичий смех. Гэ Цзянли, наблюдавшая за ними из-за своего стола, ласково промолвила:

— Какая трогательная забота! Сердце радуется, глядя на столь крепкие узы между наставником и учеником.

Цзинь Хань лишь вымученно улыбнулся:

— О да, крепче некуда.

Гу Наньчжао вторил ему столь же фальшивым кивком.

\*\*\*

Когда с торжественной частью было покончено, утомлённые притворством гости отправились в выделенные им покои.

Их разместили в уединённой усадьбе. Скрытый от посторонних глаз тенистым садом, этот изящный уголок манил тишиной и покоем.

По правилам, приехавшему на обучение Гу Наньчжао следовало занять место в общем

общежитии для адептов. Однако, желая угодить высокому гостю, руководство секты позволило юноше остаться под одной крышей со своим учителем.

Последующие две недели пролетели для юноши в непрерывных трудах: изнурительные тренировки сменялись лекциями, не оставляя времени на праздность.

С каждым днём отбор становился всё жёстче — наставники безжалостно отсеивали слабых, пока от огромной толпы претендентов не осталась горстка из тридцати человек.

Такая суровость наглядно доказывала: секта Небесной Тени делала на этих учеников огромную ставку.

Как и следовало ожидать, стоило определить окончательный список избранных, как требования возросли многократно, превращая будни адептов в суровое испытание на выживание.

Опасения юноши полностью подтвердились. Блистательная победа на Великом собрании по отбору не только принесла ему славу, но и породила целую армию завистников, которые так и норовили исподтишка вставить палки в колёса.

Впрочем, присутствие грозного старейшины Цзинь Ханя охлаждало излишне горячие головы — большинство недоброжелателей попросту боялись навлечь на себя его гнев, что избавило Гу Наньчжао от лишней суеты.

Однако авторитет наставника служил надёжным щитом лишь до поры до времени: мелкие пакости прекратились, но по-настоящему крупные неприятности уже назревали.

<http://bllate.org/book/20079/2038567>